

Дмитрий Близнюк не раз публиковался в нашем журнале. Он преданный сторонник свободного стиха. Умело сопрягает повествовательную стихотворную речь с яркими образами и впечатляющими метафорами, метафорическими строчками. Поэт побуждает читателя увидеть за простыми и привычными событиями жизни иную картину, сближая почти прозаический рассказ в преломлении своего внимательного взгляда. Он будто вяжет слова и строки, давая свободу своему и читательскому воображению. А истории из жизни его лирических героев, словно в волшебном окуляре, приближены к нашему сочувствию и участию.

Д. Ч.

* * *

нет, он не умер. не выписался.
не спился.
просто уехал в потустороннюю Канаду,
устроился лесником в Огарко.
это неуёмное дикое желание забыться, измениться,
сбежать и снова найти себя.
одни мускулы и медленная ярость. и хвойные леса.
тёмно-зелёные иглистые драконы стоят стоймя
со сросшимися – перепонки воздуха – треугольными крыльями.
не пройти, не прорваться.
а по краю развязной от грязи дороги бродят лоси –
чуткие существа цвета грецкого ореха.
губастые, глазастые – брезгливо, сердито смотрят на него
и идут дальше –
живые пятна роршаха-леса.
а за спиной – ниже, вдоль клинка рассечённой реки –
разматывается присосками утыканная пнями вырубка –
его прожитая жизнь.

всё, что осталось от четвергованных дней,
распиленных поперёк времени.
свежее белое горло стволов.

а цепная пила, ручная пиранья, поёт: эй, подтяни меня,
напой из маслѐнки.
тяжёлый физический труд
выгоняет всю трусость и накипь невыработанного таланта
вместе с потом.
он чувствует себя Львом Толстым,
только без написанной войны и мира.
ночью, сломанный бессонницей, как спичка,
он выходит в лунное поле...

смолистый аромат. его можно вымять из воздуха,
как пыльцу пчелиного воска.
и куртка цвета хаки покрылась смолой –
сваленные сосны шепчут шелкопрядами ветвей:
ты такой же, как мы,
тебе некуда больше расти.
тебе не спрятаться за бородой.
вселенная найдёт тебя и здесь и спросит –
почему не рос?
взыщет
за каждый бездарно прожитый день и час.
годы-единороги, которые ты застрелил
ради драгоценной кости, прихоти.
она выдавит тебя,
как гюрзу, из грозы –
дѐргающаяся белая палка-молния,
точно канат в школьном спортзале – давай полезай.
и ты пьѐшь кофе из термоса и слушаешь, как
чѐрный дрозд в ветвях продирает горло, поёт, резко елизит
наканифоленным смычком
по синему пенопласту воздуха.
как же здесь хорошо... и нечто – ребёнок-ленивец внутри –
упирается
маленькими ступнями в потолок,
как письмо в бутылке – в горлышко.
но не выдавить эту пробку, эту хвойную тишину.
дальше некуда расти – ты в море застывшего бетона.
а корабль сгнил...
неужели это так?

У ВХОДА В ЖЕНСКУЮ ДУШЕВУЮ

тощая костлявая красавица
с чуть рыбьим лицом – намёк на прабабушку-русалку,
прозрачные голубые глаза.
тот случай, когда красота на грани провала,
обаятельного уродства, и в этом вся прелесть женщины –
дикий виноградник на краю пропасти,
корни, пробив грунт, торчат в воздухе, как ястребиные лапы,
и хочется сорвать эти ягоды
между небом и обрывом.
призрак синей лисицы. ягоды, прозрачные от солнца.
и её прохладные глаза,
как плитка в бассейне у входа в женскую душевую.
смотришь ей в глаза – приложил раскалённый утюг
к зеркалу. вот этот звук.
вот она,
сила странной красоты.
кристаллы лопаются, как капилляры.
и ты
выделяешь наглость, адреналин, гормон
глупости. идёшь вперёд.
ломишься, как полено в костёр Жанны д'Арк,
а потом наступает она – горизонтальная
пропасть женщины – мягкая и болючая.
и поцелуи – как хрящи
русалочьих пальцев,
которые обсасываешь в китайском ресторане –
босиком сидишь на корточках у самой кромки
цунами, остановившегося, как локомотив.

это любовь, детка.
это любовь без любви.
это жуки судьбы проползли
сотни метров по трассе под бешеным ливнем.
и нашли друг друга.

ГОРЯТ ЛОКОНЫ

девочка со взглядом волчицы.
полиэтиленовые сумки в ногах.
замерла, синеглазый взрыв детства,

возле семейной общаги.
толкает взглядом, как палкой: дядя, проходи. взгляд злой
и неземной.
обиженное создание, созвездие – забыли назвать,
позвать на вечеринку знаков зодиака.
цунами в колбе – её глаза.
уперлась метровыми толщами синих вод
в прочные стёклышки.
но мир не пускает.

обидные прозвища. практически нищета.
тараканы кусают спящих принцесс за ресницы.
мир ей только снится,
проносится восьмипалубным крейсером-кошмаром.
а она – крошка,
колючая крошка с уст иванушки-дурачка. и что же счастье?
заглушка для сознания.
так осу закрывают в пустой бутылочке пепси. счастье...
танец пьяного на корабле
вот-вот выпадет за борт. ничего не вспомнит к утру.
и нет у неё крутого/приличного
мобильника,
чтобы уйти в зазеркалье для дылд,
ко всем этим эльфам, барбям, гаррипотерам и котам.
детям и взрослым, посаженным на мягкий
ошейник цифры.

она же – полынь, усыпанная клещами.
торчит в ситце и сланцах у всех на виду.
сторожит сумки матери. небо мутное
и широкое, как скатерть, в жирных пятнах облаков,
и вокруг разбросаны
миллиарды мелких камней-людей.
и каждый впивается в спину и лицо
острой отвернутостью.
замарашка. голытьба.
девочка-цунами, однажды ты
вырастешь
из прекрасного утёнка в гадкого лебедя,
психанешь и сметёшь к чертям
весь этот модный надменный мир.
маленький отверженный дьявол
сидит в надувной лодке и машет веслами.

горят локоны. и я
прячу глаза. обжигаясь о ярость.
я камень, я камень... не хороший, не плохой —
один из миллиардов чужих миров.
повёрнут спиной, свёрнут, как рубероид.
крестьянин
с маской тигра на затылке.